

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ КАК ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье обосновывается положение о том, что личные местоимения содержат в себе информацию о социальном статусе референтов. Местоимения, являясь основным средством выражения личного дейксиса, т. е. основным классом слов, отражающим указание на лицо, в том числе их социальные характеристики и статусные отношения, играют значительную роль в когнитивной системе языка и реализации им коммуникативно-прагматической функции. Рассмотрение местоимений с точки зрения их отражательной специфики подтверждает обоснованность вывода о том, что они образуют особую группу языковых знаков, выполняющих в высказывании индивидуализирующие функции, реализующиеся на базе указательности/дейктичности.

Ключевые слова: *личные местоимения, прагматическая функция, социальный дейксис, регулирование межличностных отношений, персональная идентичность, социальная идентичность*

Известно, что поведение человека представляет собой социально значимые действия. В своих поступках человек всегда руководствуется своими взглядами, убеждениями, привычками, в них отражается его отношение к другим людям, социальным группам, обществу в целом. Общество, в свою очередь, через моральные социальные нормы оказывает давление на человека, предъявляя определенные требования к его поведению. Эти нормы определяют содержание поведения человека, то, как принято поступать в той или иной ситуации. Поэтому можно говорить о том, что повседневная деятельность людей воспроизводится силой традиции, общественным мнением, определяя социальные модели поведения, в том числе и речевого.

Отношения между участниками коммуникации кодируются в языке и индексируются в речи через различные средства, в том числе и систему местоимений, точнее через адекватный выбор говорящим и слушающим *личных* местоимений, которые играют важную социально-дейктическую роль. Поскольку на выбор дейктической рамки высказывания влияет ряд социальных факторов, параметров, таких как ролевые и социальные отношения коммуникантов, общая векторная направленность коммуникации, официальность / неофициальность обстановки общения, размеры/величина персонального (личного) пространства, степень знакомства коммуникантов и т.п., через личные местоимения можно «контролировать» межличностные

отношения коммуникантов и регулировать поведение партнера по коммуникации.

Личные местоимения – самый универсальный класс местоименных слов. Микросистема личных местоимений занимает в структуре любого языка, английского в том числе, особое место. Личные местоимения характеризуются «неопределенностью», они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы «беспредметным» /Виноградов, 1972: 270/. Так, личное местоимение *I* в зависимости от ситуации речи может относиться к ребенку, к взрослому человеку, к мужчине, к женщине, т.е. к каждому индивиду, который в данный момент является говорящим лицом. Аналогично местоимение *you* может обозначать любого человека (человека любого пола, возраста, профессии, статуса и т.д.), который в данный момент является слушающим и воспринимает речь говорящего. Вместе с тем местоимения *I* и *you* в любой ситуации речи указывают на говорящего и слушающего, отвлекаясь от всех других признаков, характеризующих человека.

В большинстве языков личные местоимения представлены формально трехчленной системой. Такова система личных местоимений и в английском языке. Ряд других языков имеет более развитую систему местоимений, где релевантными оказываются пол, социальный статус, степень знакомства, близости собеседников и т.д. В рамках местоименной парадигмы концептуализируются и категоризируются знания человека об участии в речевой ситуации, одушевленности/неодушевленности объектов, об их вхождении/невхождении в личную сферу говорящего/наблюдателя и т.п.

В современной лингвистике давно уже утвердилось положение о том, что передаваемое личными местоимениями *I* и *you* значение связано с выражением понятий «уникальности», «субъективности», «индивидуализации». Как известно, впервые это положение было представлено в работах В. Гумбольдта, который связывал понятие «я» с осознанием личности, осознанием индивида /Гумбольдт, 1984/. Аналогичную точку зрения находим у Э. Бенвениста, для которого личные местоимения явились той опорной точкой, на которой основывалась развиваемая им теория субъективности в языке. Один из основных постулатов этой теории выражается в следующем: «Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее «я», каждый из говорящих поочередно становится «субъектом». Это свойство и лежит в основе индивидуальной речи, когда каждый говорящий как бы берет язык для личного пользования» /Бенвенист, 1974: 288/. По определению Ю.С. Степанова, «Я» – это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка» /Степанов, 1981/. Характеристика участника коммуникации как *индивидуальности, личности*, взятой в ее единственности, и составляет главное отличие местоимения «я» от такого синонимичного выражения, как «произносящий данные слова», а местоимений «ты» и «вы» – от «моя

собеседница», значение которых сводится к указанию на отношение участников события к тому акту речи, в котором это событие описывается. Значения местоимений «я» и «ты», самым общим образом характеризуют участника события как индивидуальность, личность, лишь указывают на то, *кто* получает данную «характеристику»: в случае с «я» – это говорящий, в случае с «ты» – это слушающий /Селиверстова, 2004: 410-411/.

Семантический компонент «отнесенность к говорящему лицу» является категориальной (обязательной и центральной) семой в содержательной структуре всех личных местоимений, это означает, что все личные местоимения соотносятся с точкой «я» (эго), поэтому смысловое содержание этих знаков может быть установлено исключительно прагматически, то есть из ситуации речевого акта, которая выявляет точку отсчета, относительно которой выделяются обозначаемые лица /Ерзинкян, 2013/. Личные местоимения 1-го и 2-го лица, являясь «устойчиво дейктическими элементами», отсылают к единственному референту, личность которого при каждой отсылке определяется прагматическими факторами: местоимение 1-го лица указывает на того, кто в данный момент производит данный акт речи, местоимение 2-го лица – на того, к которому обращаются в данном речевом акте, на адресата высказывания. Как пишет Э. Бенвенист, «Личное местоимение «я» имеет референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором оно обозначает говорящего. Каждое «я» имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности. «Я» не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, который его содержит, и только посредством него» /Бенвенист, 1974: 285/.

Значимость местоимения второго лица *you* в реализации фатической (контактоустанавливающей) функции языка трудно переоценить. Средства выражения фатического значения разнообразны, они имеются на всех уровнях языка, реализуют в речи значение адресованности речи другому лицу и образуют постоянно действующую систему, состоящую из различных средств обозначения адресата или средств, говорящих о направленности ему речи. Адресованность понимается как отнесенность данного высказывания к субъектной сфере слушающего с целью оказания на него определенного воздействия и побуждения к определенным ответным действиям. В английском языке, как и во многих других, существуют специализированные средства выражения адресованности речи, маркеры направленности ее конкретному или обобщенному адресату. Организующим центром при этом является личное местоимение *you*: общий показатель адресованности речи выражается указанием на 2-е лицо. Эта категория 2-го лица выполняет несколько функций, из которых следующие две представляют особый интерес 1) собственно семантическая дейктическая функция соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта); 2) семантико-

прагматические функции, связанные с передачей точки зрения говорящего на соотношение обозначенной ситуации и ситуации речи /Бондарко, 1990: 7/. Вот эта точка зрения говорящего и является определяющей при выборе им адекватных ситуации речи средств выражения своего намерения.

Специфика личных местоимений объясняется также и наличием у них особой личностной сферы: местоимение *I* обладает рефлексивной персональной сферой, указывает на лицо говорящего; местоимение *you* имеет переходный статус в том смысле, что для него характерна сфера и субъекта (*you* рефлексивно указывает в акте речи на адресата), и объекта по отношению к личному местоимению *I*.

Способность личных местоимений и всей дейктической лексики «транслировать» прагматические особенности общения, делает их главным фактором, организующим высказывание, как и весь дискурс в целом.

Как показывают современные психолингвистические исследования, общение следует рассматривать как знаковую «активность *сотрудничающих личностей*» /выделено нами. – Е.Е./, конечная цель которой – организация совместной деятельности» /Тарасов, 1996: 20/. Опираясь на такие важные координаты речевой ситуации, как лицо, место и время, говорящий своими речевыми действиями, соответствующими его коммуникативным намерениям и цели, а также выбранной общей коммуникативной стратегии и тактике, управляет деятельностью (действиями) слушающего.

Прагматические отношения, возникающие при речевой коммуникации у адресата (слушающего), не менее сложны, и последний, в некоторой степени, определяет деятельность говорящего. Принимающий сообщение занимает определенную интеллектуально-эмоциональную позицию по отношению к адресанту (говорящему), а также воспринимаемому высказыванию и сообщаемой информации, результатом чего может быть какая-то реакция или ответные действия. Весьма принципиально в этом отношении адекватное видение прагматической ситуации *обоими* участниками коммуникативного акта, соотнесение точек зрения говорящего и слушающего с помощью развитой системы дейктических языковых средств и, в первую очередь, личных местоимений как «социальных» дейктиков.

Показатели социального статуса коммуникантов – их служебное положение, статус, личностные характеристики, возраст, пол и т.п. – так или иначе находят свое отражение в процессе коммуникации. Все они учитываются говорящим при выборе адекватных ситуации общения языковых средств, в значение которых включена информация о социальной роли и статусе референтов – участников коммуникации.

Поэтому правила построения высказываний «выполняются» во многом благодаря правильному выбору говорящим дейктических элементов, в которых кодируется разнообразная информация, способствующая идентификации коммуникантов, социального статуса и социальной роли говорящего

и адресата, их взаимоотношений, личной и групповой идентичности, т.е. всех тех элементов, которые определяют степень вежливости высказывания и в конечном итоге обеспечивают успех коммуникации.

Исходя из того, что помимо дейксиса лица, места и времени, существует и дейктическая маркированность социальных параметров коммуникации, некоторыми лингвистами, кроме традиционных и общепризнанных типов дейксиса (личный, пространственный, темпоральный), выделяется также и социальный дейксис как один из его видов. Впервые понятие социального дейксиса было введено в лингвистический обиход Ч. Филлмором /Fillmore, 1975/. Впоследствии находим эту мысль и у других авторов. По их определению, социальный дейксис охватывает «те аспекты предложений, которые отражают или обусловлены какими-то реальностями социальной ситуации, где совершается речевой акт»; он связан с кодированием социальных различий между участниками коммуникации и, в первую очередь, отношений между говорящим и адресатом /см.: Fillmore, 1975: 76; Bean, 1978: 9; Levinson, 1983: 89-94/. Заметим, что во многих языках (особенно это характерно для языков Юго-Восточной Азии) градация отношений между коммуникантами кодируется через морфологическую систему, включающую так называемые онорифики “honorifics”, которые можно описательно выразить как слова, выражающие почтение. Отсутствие таких систем в некоторых европейских языках отражает разницу в способах «кодирования» социальной информации и восполняется использованием иных средств.

Следует отметить, что далеко не все исследователи сходятся во мнении относительно выделения социального дейксиса как *отдельной* категории, хотя и признают, что взаимоотношения участников речевого акта определенным образом индексируются в речи через языковые элементы, обозначающие степень социальной дистанции и характер общения между коммуникантами, тем самым выделяя социальный дейксис как компонент, дополняющий традиционную триаду дейктических категорий.

Социальный дейксис, включающий дейктические формы вежливости, перекликается с личным дейксисом, поскольку оба вида дейксиса имеют одни и те же средства выражения, а именно личные местоимения: последние, кроме указания на ролевые отношения в акте коммуникации, несут в себе также и указание на социальные факторы, такие как степень близости, дистанции в отношениях между коммуникантами, коррелирующие с отношениями солидарности, власти и подчинения и т.п.

В литературе встречаем попытку «разведения» категорий личного и социального дейксиса через различение двух типов контекстов – ситуативного и социального. Ситуативный контекст актуализирует непосредственных участников коммуникации (адресанта и адресата) в контрасте с третьим лицом, не участвующим в коммуникации, а также локализацию участников коммуникации в пространстве и времени (личный, пространственный и

временной дейксис). Социальный контекст актуализирует взаимоотношения между коммуникантами и их отношение к окружающей действительности через референцию к социальной стратификации и дистанции (социальный дейксис) /Колобова, 2008/.

Как бы то ни было, любой дискурс, каждое высказывание маркировано с точки зрения кодирования социальных различий между участниками коммуникации, и рассмотрение этого факта как проявления личного дейксиса или дейксиса социального не меняет сути дела. Очевидным и не вызывающим сомнения является способность личных местоимений как дейктических единиц кодировать социальные различия между говорящим и слушающим: ПОСКОЛЬКУ личные местоимения содержат в себе информацию о социальном статусе коммуникантов, указывают на «характер общения и на степень социальной дистанции между говорящим и адресатом или говорящим и теми, о ком идет речь» /Head, 1978; Rauch, 1983: 38; Leech, 1983: 126, 137; Holmes, 1992: 12; Thomas, 1995: 129; Макаров, 2003/.

Как пишет С.С. Дрига, «ассиметричные социальные отношения позволяют собеседнику с более высоким социальным статусом «регламентировать», то есть осуществлять «мониторинг» мены коммуникативных ролей в дискурсе. Необходимо отметить, что в подобных речевых ходах по способу инициации мены коммуникативных ролей часто манифестируются элементы социального дейксиса. С одной стороны, в речевых сигналах мены коммуникативных ролей может содержаться относительная информация социально-дейктического характера, символически обозначающая степени социальной дистанции. С другой стороны, в регуляции мены коммуникативных ролей участвует абсолютная информация социально-дейктического характера, в том числе и символы социальных ролей коммуникантов, имеющих в данном институте особый статус или особые полномочия» /Дрига, 2010/.

Уместное и правильное, соответствующее ситуации речевого акта употребление личных местоимений дает возможность говорящему наиболее точно передать партнеру по коммуникации свою интенцию и добиться желаемого результата, а слушающему, находящемуся в той же ситуации общения и имеющему с говорящим общий язык, культуру, традиции, т.е. общий фонд знаний, понять, воспринять и адекватно среагировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.–Л.: Высшая школа, 1972.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
4. Дрига С.С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008.

5. Ерзинкян Е.Л. Дейксис слова: семантика и прагматика. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 2013.
6. Колобова А.А. Социопрагматика корпоративного дискурса (на примере текстов корпоративных кодексов американских компаний). Дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2008.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
8. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 40, 1981, № 4.
9. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: 1996.
11. Bean S.S. Symbolic and Pragmatic Semantics: A Kannada System of Address. Chicago, 1978.
12. Fillmore Ch. Santa Cruz lectures on Deixis 1971. Bloomington, Indiana University Linguistic Club, 1975.
13. Head B. F. Respect Degrees in Pronominal Reference // J. H. Greenberg (ed.) Universals in Human Language, 3: Wordstructure. Stanford (CA.): Stanford University Press, 1978.
14. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. London; New York: Longman, 1992.
15. Leech G. Principles of pragmatics. London and New York: Longman, 1983.
16. Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
17. Rauch G. Aspects of Deixis // G. Rauch (ed.) Essays on Deixis. Tübingen: Narr, 1983.
18. Renkema J. Discourse Studies: An Introductory Textbook. Amsterdam, 1993.
19. Thomas J. Meaning in interaction: An introduction to pragmatics. London: Longman, 1995.
20. Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Y. YERZINKYAN – *Personal Pronouns as Indicators of Social Relations.* – The present paper is an attempt to consider personal pronouns as a special type of linguistic expressions that reflect and encode types of interpersonal relations thus conveying information about interlocutors' personal and social identity as well as indicating social distance between people.

Key words: personal pronoun, pragmatic function, referential expressions, social deixis, regulation of interpersonal relations, personal identity, social identity